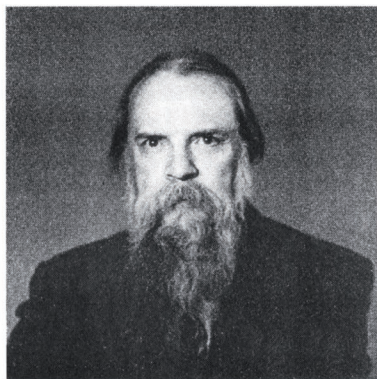

IN MEMORIAM

НИКИТА ИЛЬИЧ ТОЛСТОЙ

(15 апреля 1923 — 27 июня 1996)

Н. И. Толстой родился в г. Вршаце на Воеводине. Его отец Илья Ильич, был внуком великого писателя Льва Толстого; вернувшись из эмиграции на родину он стал доцентом кафедры славистики Московского университета и составил большой словарь сербско-хорватского языка.

Накануне войны Н. И. окончил 1-ую русско-сербскую мужскую гимназию в Белграде, в годы войны принимал участие в партизанском движении, а когда осенью 1944 г. к берегам Савы вышла Советская Армия, он вступил в нее добровольцем и в ее составе закончил Вторую мировую войну. В сентябре 1945 г. он впервые увидел Москву, куда на несколько недель раньше прибыли его родители и где прошла вся его дальнейшая жизнь.

Н. И. был зачислен студентом на филологический факультет Московского университета и успешно специализировался в болгар-

ской филологии; приобщение к науке началось с экспедиций по изучению болгарских диалектов Приазовья и Бессарабии. По окончании университета Н. И. поступил в аспирантуру и под руководством С. Б. Бернштейна написал диссертацию о прилагательных старославянского языка (1954). Некоторое время он преподавал сербско-хорватский язык в Институте международных отношений, но в 1954 г. стал научным сотрудником Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук, где и оставался на различных должностях до конца жизни. В середине 50-х гг. Н. И. сблизился с В. В. Виноградовым, оказавшим на него и нравственное, и научное влияние. Отношения эти стали особенно тесными при подготовке и проведении в 1958 г. Международного съезда славистов в Москве. С тех пор Н. И. был деятельным сотрудником Комитета славистов, а с 1986 г. и возглавлял его. В. В. Виноградов привлек его также к работе в журнале «Вопросы языкознания», где Н. И. работал до смерти В. В. Виноградова в 1969 г. и возобновил свое сотрудничество в 1987 г., став в последние три года жизни главным редактором журнала. В 1972 г. Н. И. защитил докторскую диссертацию по славянской географической терминологии.

Научная деятельность Никиты Ильича концентрировалась вокруг двух больших проблем: истории славянских литературных языков и славянской диалектологии¹.

Уже кандидатская диссертация 1954 г. выдвинула его в число больших знатоков церковнославянского языка. В ходе изучения прилагательных в древнейших рукописях славянского *Евангелия* он пришел к выводу, что полные прилагательные благодаря прибавке местоименного окончания приобретают семантику определенности, как если бы эти местоименные окончания выполняли функции постпозитивного определенного артикля; причем семантика определенности реализуется в зависимости от лексического значения прилагательного.² Предполагалось, что Н. И. займется созданием научной академической грамматики церковнославянского языка, во вся-

¹ Список работ Н. И. Толстого до 1993 г. включительно и его научная биография даны в книге: НИКИТА ИЛЬИЧ ТОЛСТОЙ / Составитель Л. В. ШУТЬКО, автор вступительной статьи А. Д. ДУЛИЧЕНКО. Москва. 1993 (= Российская Академия наук. *Материалы к библиографии ученых. Серия литературы и языка. Выпуск 23*).

² *Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. Выпуск 2. 1957., 43-122.*

ком случае через несколько лет он четко сформулировал эту задачу,³ но сам он не взялся за нее, и до сих пор не находится энтузиастов такой работы, несмотря на то что Н. И. не раз подталкивал к ней своих учеников. Вполне очевидно, что создание научного описания церковнославянского языка нуждается в таком уровне лингвистической обработки источников, какой еще долго останется недостижим. К тому же сам Н. И. не был чистым лингвистом, вопросы истории культуры всегда стояли для него на первом месте, так что его интересы реализовались в сфере социолингвистики и этнолингвистики. Потому свои занятия церковнославянским языком Н. И. повернул в сторону проблематики литературных языков и в 1961 г. опубликовал крайне важную работу *К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян* («Вопросы языкознания», № 1, 52-66). До тех пор историю церковнославянского языка изучали фрагментарно и исключительно как набор лингвистических фактов в том или другом отдельном тексте или группе текстов; обобщающая *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache* Ватрослава Ягича (1902, 1913 гг.) сосредоточена на грамматике и лексикологии этого языка. Принципиальные для теории литературного языка вопросы о функциональном статусе языка, его связях с другими языками, его восприятии и оценке носителями были поставлены в центр исследования Н. И. Толстого. Примененный им термин «древнеславянский литературный язык» подчеркивал этот функциональный аспект; вместе с тем в условиях воинствующего атеизма этот термин давал легальную возможность для научных занятий предметом, подобно тому как термин «тексты традиционного содержания», предложенный в это же время Л. П. Жуковской, облегчал для ученых в России исследование библейских рукописей.

В дальнейшем в серии больших статей Н. И. рассмотрел вопросы о соотношении церковнославянского языка и языков региональной письменности (болгарского, сербского, русского, словенского, польского) в эпоху славянского средневековья, так что в результате создал социолингвистическую историю церковнославянского языка на фоне становления у славян национальных литературных языков.⁴

³ *Старославянский язык // Советское языкознание за 50 лет.* Москва 1967., 64-72.

⁴ Работы на эту тему собраны в книге *История и структура славянских литературных языков.* Москва, 1988.

Живая диалектологическая работа, начатая Н. И. в студенческие годы, была продолжена полевыми исследованиями 1956-59 гг. в Болгарии для общеславянского лингвистического атласа, а затем организацией многочисленных исследовательских поездок в Полесье (на рубеже Украины и Белоруссии), которые чем дальше, тем больше становились комплексными экспедициями по изучению духовной культуры крестьянского населения тех мест, которые не без основания рассматриваются как родина славянского этноса. Метод этнолингвистики в основе своей столь же убедителен и продуктивен, как достижения школы *Wörter und Sachen*, но в данном случае изучение слова поставлено в связь не с вещами, а с более сложными и деликатными феноменами – мифом, обрядом, ритуалом. Объем полевых работ, сложность обработки материала, а вместе с тем увлекательность получаемых таким путем результатов привели к необходимости открытия в Институте славяноведения специального отдела этнолингвистики и фольклора. Сегодня это направление имеет наибольшее число приверженцев среди русских диалектологов. При неполной сохранности современных диалектов из-за их взаимодействия с литературным языком лишь историческая реконструкция позволяет давать правильную оценку наблюдаемым явлениям, но такая реконструкция является душой этнолингвистики.⁵

Объединяя свои социолингвистические и этнолингвистические интересы, Н. И. сделал важное обобщающее наблюдение о соотношении между типом культуры и языком: литературный язык соответствует традиционно-книжной культуре, тогда как диалект – народной крестьянской культуре.⁶

Статьи и книги Н. И. имеют исключительно четкое и экономное построение, в них нет ничего лишнего и случайного, но они не производят впечатления простоты и бедности. Их автор обладал тонкой исторической интуицией и прекрасным чувством стиля. Это позволяло ему находить свой собственный предмет исследования, браться за описание таких явлений, которые не лежат на поверх-

⁵ Работы на эту тему собраны в книге *Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и лингвистике*. Москва, 1995. Кроме того при жизни Н. И. вышел первый том отредактированного им словаря *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* (Москва, 1995).

⁶ *Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики)* // »Zeitschrift für slavische Philologie«. 1990. Bd. 50/2, 238-253.

ности, которые недоступны рядовому наблюдателю, и говорить о них с той убедительностью, которая оставляет у читателя ощущение открытия.

Своеобразна была личность Н. И. Толстого и то место, которое он занимал в русской общественной и культурной жизни последних четырех десятилетий. Его владение живыми языками и культурными навыками южнославянских народов сделало его незаменимым работником Комитета славистов, поставило его в положение эксперта по широкому кругу вопросов, обязало быть организатором контактов между русской культурой и культурами южных славян. Он написал десятки статей для больших и малых словарей и энциклопедий по югославянским языкам, литературам, по истории и культуре, не раз переводил с болгарского стихи и прозу, а для «Вопросов языкознания» регулярно переводил статьи коллег из бывшей Югославии (например, Д. Брозовича, Б. Конеского, А. Назор). Размах его деятельности по распространению в России сведений о южных славянах заставляет вспомнить о поколении первых русских славистов – И. И. Срезневском, П. И. Прейсе, О. М. Бодянском, казалось, их дух почил на нем. Сегодня, когда его не стало, мы видим, что нет замены ему на этом благородном поприще.

Н. И. глубоко и нежно любил страну, в которой родился и вырос, где сформировался как личность. Его славянофильство было свободно от политических или идеологических предрассудков, оно выросло из личного опыта и было окрашено ностальгией, детскими впечатлениями, теплом родного дома. Его теплая и открытая религиозность была новостью в научных кругах России 50-60-х годов, когда господствовали страх и взаимное недоверие, и отчасти благодаря ей он пользовался высоким нравственным авторитетом. Его трения с болгарскими коллегами не были основаны на личных причинах, они были вызваны исключительно расхождениями в оценке македонского литературного языка, но едва ли можно сомневаться в том, что независимая Македония нуждается в собственном литературном языке точно так же, как другие страны славянского юга.

После смерти В. В. Виноградова Н. И. стал центром притяжения либерально настроенных московских филологов, невольно оказавшись во главе своего рода фронды партийно-бюрократическому аппарату тогдашней Академии наук. Благодаря его нравственной, а иногда и административной поддержке в нашей науке удержались лица, составляющие сегодня ее цвет. Он привлекал к себе окружа-

ющих необычным сочетанием старомодной вежливости с простотой и доступностью. Его склонность к игре превращала каждое заседание, в котором он участвовал, в увлекательный спектакль. Неудивительно, что у него было много учеников, единомышленников, хотя близость к нему не способствовала тогда успешной карьере. В те годы ему самому для защиты докторской диссертации пришлось искать ученый совет за пределами вельможной Москвы, таковой нашелся в Санкт-Петербургском университете. С изменением политической ситуации в 80-е годы Н. И. был избран членом Российской Академии наук, вошел в правящие органы Академии, а в 1994 г. стал председателем Российского гуманитарного научного фонда. Это новое учреждение сегодня стремится сохранить само существование гуманитарных наук в России, и под руководством Н. И. делало это сравнительно успешно. Научные заслуги Н. И. Толстого были признаны во всем славянском мире, в том числе избранием его в академии Загреба, Любляны, Белграда, Зальцбурга, Скопле и Кракова.

Н. И. Толстой был другом Старославянского института в Загребе, несколько раз посещал его и участвовал в заседаниях Международной Комиссии по церковнославянским словарям. Последний раз он был в Загребе в июне 1994 года на научном совещании представителей Российской Академии наук и Хорватской Академии наук и искусств.

Ему было за семьдесят, когда он умер. Но смерть его кажется случайной и безвременной, он далеко не исчерпал запаса жизненных сил, могучей изобретательности ума, не сказал всего, что было у него на устах. Нам не дано было узнать его вполне.

А. АЛЕКСЕЕВ